

LUDMIŁA SZEWCZENKO

Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach

**АКСИОЛОГИЯ ЮНОСТИ В ПРОЗЕ СЕРГЕЯ МИНАЕВА,
АЛЕКСАНДРА СНЕГИРЕВА И КРИСТИНЫ ХУЦИШВИЛИ**

Axiology of youth in the prose of S. Minayev, A. Snegirev and K. Khoutsishvili

Sociologists and psychologists of the beginning of the 21st century, while analyzing value settings of a post-Soviet person, mark gradual westernization and modernization on one hand, and formation of neo-traditionalism and neo-conservatism in the conscience of the youth on the other. How the conflict of the new components of the axiological pyramid contradicting with its inherent elements of the old code in the conscience of the youth oftentimes evolved in their conflict with themselves, in disenfranchisement and resentment of the time and their actions, is reflected in the stories and the novels by S. Minayev, A. Snegirev and K. Khoutsishvili, whose works this article analyzes.

Keywords: axiology, value settings, westernization, neo-traditionalism, young characters

Многими исследователями уже отмечалось, что литературный процесс второй половины XX века в силу его этической ориентированности и отталкивания от социального радикализма предшествующих десятилетий может быть выделен как особый этап в развитии русской словесности. Литература этого периода выявила присущее времени начало ломки сложившихся в обществе установлений, проверку социального должного этикой личностной, персональной, отразила попытки соотнести насаждаемые государственным аппаратом и субъективные ориентиры и ценности с ценностями вневременными, универсального мироустройства и мирового порядка.

Слом социальной системы на рубеже 1980-1990-х годов вообще спровоцировал кардинальную смену аксиологических ориентиров в сознании общества, что проявилось в самой постановке и осмыслении в литературе проблемы личности, сферы ее долженствования, горизонтов самоосуществления и свободы как таковой. Это нашло свою актуализацию в той тенденции изображения современника,

которая, по утверждению Татьяны Рыбальченко, ведет свое начало еще с прежних десятилетий и может быть обозначена как показ отстранения «[...] этического сознания личности от приоритета социального долга [...]» (Рыбальченко 2006, 182). Причем в этом, по мнению исследовательницы, «[...] проявилось преодоление тоталитаризма, когда долг сводился к служению социальной необходимости и предполагал отречение от личного» (Рыбальченко 2006, 182-183). Вместе с тем родившийся еще в советское время и воспитанный на образцах советской литературы молодой герой многих романов и повестей той поры, да и первых десятилетий уже XXI века – а именно о нем и об авторах новой генерации и пойдет у нас речь, – очень часто еще не был готов жить вне подчинения приоритетам, навешанным если не старой, то уже новой идеологией. Исследуя ценностные ориентации постсоветского человека, социологи и психологи того времени отмечали как постепенную вестернизацию и модернизацию, которым сопутствовал поколенческий шовинизм и эйджизм, так и формирование неотрадиционализма и неоконсерватизма в сознании молодых (Трапкова 2005, 305-329). Новым приоритетам и ценностям, целям в их достижении молодыми часто сопутствовал прежний, советский, ориентированный на самоотречение код поведения. Многие из наиболее активных представителей молодежи, уже будучи включенными в систему новых экономических отношений, пытающиеся утверждать либеральные ценности, тем не менее, как их отцы и деды, продолжали игнорировать общечеловеческое, конкретно-личное во имя идей смены старого строя, были готовы пожертвовать личным счастьем ради очередного абстрактного «общего дела» – теперь уже строительства капитализма, начали упиваться идеологией общества потребления. При этом конфликт новых составных аксиологической пирамиды, вступающих в противоречие с ей еще присущими старыми элементами в сознании молодых, зачастую затем выливался в конфликт их с собой, в разочарование их в себе самих, в своем деле и в ими содеянном как таковом. Их же образное отражение в романах и повестях, как уже отмечалось нами (Шевченко 2008, 59-69), так же причудливо соединяло старое с новым, вело к появлению гибридных жанрово-стилевых форм, сочетающих характерные для литературы соцреализма матрицы производственного романа, так называемой «молодежной прозы» и прозы экзистенциального направления, провоцировало акцентацию внутренних состояний и пере-

живаний героев как в остросюжетных произведениях, так и в тех текстах, которые развивали традиции прозы эпистолярной.

Первое – мы находим в произведениях Сергея Минаева *ДУХLESS: Повесть о ненастоящем человеке* (2006), *MEDIA SAPIENS. Повесть о третьем сроке* (2007), *The Телки. Повесть о ненастоящей любви* (2008), *Р.А.Б. Антикризисный роман* (2009), *Видеоты, или The Телки. Два года спустя* (2010), а также в его романе *ДУХLESS 21 века. Селфи* (2015). В центре этого своеобразного цикла написанных в соответствии с матрицей производственного романа (Кларк 2002) произведений (Шевченко 2008) находятся молодые (до тридцати лет) «вестернизированные» герои, занятые рекламной деятельностью и созданием пиар-технологий, формированием медийного пространства и рынков сбыта, работающие политтехнологами и медиаторами, копирайтерами и креативщиками, топ-менеджерами и маркетологами, дилерами и маклерами, – герои, которых автор назвал «ударниками капиталистического труда» (Минаев 2007, 10) и «новообращенными в офисную веру маргиналами» (Минаев 2005, 150). Широко представляемые в СМИ, рекламируемые на страницах глянцевого журналов, именно они в начале нового века многими ассоциировались с героями нового времени, а их труд – с главным делом эпохи. Они жертвовали временем, отношениями с близкими, героически «вламываясь» в работу. Однако весь парадокс заключался в том, что по большому счету, рядом с героями прошлых лет персонажи этих произведений С. Минаева, как и их реальные прототипы, по своим ценностным ориентациям и способам воплощения в жизнь им навеянных временем идеалов, стоять не могли. На это указывал отсылающий читателя к широко известной книге Б. Полевого *Повесть о настоящем человеке* (1947), повествующей о подвиге Маресьева, гибридно-цитатный подзаголовок уже первого минаевского произведения: *ДУХLESS: Повесть о ненастоящем человеке*, развенчивающий как самого героя, так и его соратников, и определяющий модус как «возвышения», так и одновременно «снижения» всего, о чем шла речь. Он коррелировал с предлагаемой самим героем романа надписью на братской могиле таким же, как он, безымянным подвижникам нового времени – тем, кто хотел жить в России по-новому, веря в честность правил новой игры и прогресс, начал строить капитализм в стране, но не смог; тем, кто физически жив, но уже умер душой:

Поколению 1970-1976 годов рождения, такому многообещающему и такому перспективному. Чей старт был столь ярок и чья жизнь была столь бездарно растрачена. Да упокоятся с миром наши мечты о счастливом будущем, где все должно было быть иначе... R.I.P (Минаев 2005, 9).

Эти вынесенные в начало романа и повторенные в конце его слова, в свою очередь, отсылают к известной всем *Думе* Михаила Лермонтова, и их мы вполне можем отнести к героям других произведений этого автора.

Рассуждая о современной русской прозе о молодых, написанной молодыми авторами, И. Ковалева справедливо отмечает, что ныне в литературу

следом за теми, кто прожил часть самостоятельной жизни в переломные для страны годы, идут те, кто по возрасту не дышал воздухом, который пропах если не смертью, то опасностью, неясной тревогой, непонятностью наступающего будущего. Обретшее свободу духа, это поколение оказалось скованным другой цепью - офисной несвободой, зависимостью от ежедневной борьбы за сытое существование (Ковалева 2010).

В их творчестве

звучали мотивы радикального переустройства существующего порядка вещей, общественный романтизм конца века сделался непонятен и чужд, а свобода личности заменилась свободой действий (Сергей Шаргунов, Захар Прилепин). Образ голубя, птицы мира и благой вести, сменился губительной, захватывающей весь мир птичьей болезнью, красота, которая должна была спасти мир, подернулась пятнами нефтяных разводов. Страшная метафора лежит в основе сюжета романа Александра Снегирева с символическим названием *Нефтяная Венера*. Главный герой, сын обычных советских родителей, рождается мертвым, его оживляют врачи, но в свое время от него рождается сын-даун, и только этот больной ребенок обладает способностью к сопереживанию, остается единственным нормальным человеком среди людей общества потребления (Ковалева 2010).

При этом проза последних двух десятилетий о молодых, и к тому же написанная молодыми (Ковалева 2010; Ганиева 2011), отразила, с одной стороны, чрезвычайную устойчивость советского культурного кода в подсознании, управляющем их поведением в достижении ими поставленных целей, неизбежность столь характерных для русского менталитета и несвойственных новому строящемуся демократическому и либеральному обществу категоричности

и бескомпромиссности. С другой, – акцентировала вытекающий из всего этого поколенческий шовинизм и эйджизм, проявляющийся в отношении к людям старшего возраста – представителям доперестроечных политических, эстетических и этических, выработанных тоталитарной системой ориентиров. Выражающийся поначалу в их остром неприятии, он на пике своих проявлений уже в нашем веке частично «снимается» через попытку раскаяния и принятия их вины на себя, жажду понести наказание за них «прежних», тем самым воочию демонстрируя столь присущую русской ментальности амплитуду метания от одной к другой крайности.

Характерный пример тому дает творчество Александра Снегирева. В его отмеченном премией «Дебют» за 2005 г. рассказе *Бабушка* повествователь-внук, отправляясь захоронить в семейной могиле урну с прахом бабушки, поначалу с пренебрежением «исследует» ее содержимое, а затем по дороге на кладбище устраивает с приятелем автогонки, в ходе которых она раскалывается. Высыпавшийся на пол машины прах они сметают обратно веником, при этом попавший с подстилки в него клочок собачьей шерсти и с ним же окурок их не останавливают: вытряхнуть и перебрать прах у них нет желания – он, как и чуждая им по своим убеждениям умершая, у приятелей никаких чувств кроме чувства брезгливости не вызывает.

Несколько иное отношение молодых героев к своим предкам, к их прошлому и к аксиологии веков минувшего и настоящего можно найти уже в более поздних произведениях А. Снегирева. В частности – в его повести *Внутренний враг* (2013), рассказывающей о некоем мечтавшем «принести пользу стране» молодом магистре политических наук, закончившем вуз, когда «политика к тому времени в стране закончилась» (Снегирев 2013, 11). В ней автор, активно используя прустовские и джойсовские уроки «потока сознания», сюрреалистического автоматического письма, фрейдизма и феноменологии, раскрывает с их помощью первопричины владеющих этим героем эмоций и чувственных состояний, воочию демонстрирует как его установленные, неизменные, так и проходящие ряд трансформаций аутентичные и привнесенные извне ориентиры. Зарабатывающий на жизнь переводами, этот молодой интеллигент «[...] люто ненавидит опричников, чекистов, службу вечной русской тайной канцелярии» (Снегирев 2013, 21). Однако весь парадокс ситуации заключается в том, что он неожиданно получает от никогда им ранее не виданного деда в наследство дом. Никогда не признававший ни

самого героя, ни его отца и мать (у которой был репрессирован отец), дед был в прошлом сотрудником НКВД, и этого молодой человек поначалу не может ему простить. Оставшись с ним, еще живым, ночевать в его старом доме, герой в ночном бреду видит «[...] изможденных доходяг, бредущих на прииски», «[...] цепи рабов, везущих тачки с грунтом на строительстве Беломорканала [...]», и ему не дает покоя мысль: «А пытал ли дедушка? Истязал? Лампой в лицо светил, руки держал, яйца каблуками давил?» (Снегирев 2013, 31-32). В какой-то момент он берет в руки топор и даже хочет убить старика, но потом останавливает себя. Когда же через какое-то время дед умирает естественной смертью, исполненный внутреннх противоречий герой, мучаясь совестью за свое несовершенно преступление и одновременно за недостаточную заботу о старике, испытывая за деда вину перед теми, кто пал жертвами НКВД и ощущая в своих жилах ему ненавистную кровь того, кто был причастен к ним, – пытается «пропустить сквозь себя» его жизнь и понять. Герой раздобывает и одевает на себя форму деда, как бы «входя в его шкуру» пытается не только проиграть его «роль», но и как бы прожить его жизнь и затем понести за него наказание. И лишь совершая попытку (пусть неудачного) самоубийства и как бы сводя свои счета со стариком и с самим собой, у которого «в крови поселился» свой внутренний враг, он разрешает конфликт внутри себя самого и «снимает», преодолевает свой поколенческий шовинизм, обретая способность в дальнейшем уже с чистой совестью просто жить.

Смену ценностных ориентиров в векторе вестернизации и модернизации с параллельным формированием заявляющего о себе во весь голос уже в наши дни неотрадиционализма в сознании молодых наиболее ярко, как нам представляется, можно пронаблюдать в эпистолярном романе Кристины Хуцишвили *DEVIANТ* (2012). Его структурная сложность обусловлена контаминацией в нем разных жанровых и стилевых аспектов: повествование выстроено как интернет-переписка героев, письма в которой даны не в хронологическом порядке, обозначены как *E-mail* или *Текстовый документ*, в большинстве случаев завершаются пометкой *Сохранено в черновиках* и за исключением одного не доходят до адресата. Своего главного героя К. Хуцишвили определяет одновременно и как современного яппи, и как Печорина нашего времени, «лишнего человека». Это, пишет она, –

[...] блестящий молодой человек, добившийся успеха со всеми его атрибутами в молодом возрасте исключительно благодаря своему таланту и трудолюбию. Он занимается финансами, но он действительно выдающийся человек в своем окружении – он лидер, обаятелен, умен, эрудирован (*Писательница Кристина Хуцишвили, 2013*).

И Георгий, и его возлюбленная Маша получают прекрасное образование в России, а затем за рубежом, делают блестящую карьеру, но желая достичь еще большего, свадьбу откладывают. Сама же семейная жизнь в их мечтах представляется в соответствии с эталонами общества потребления. К. Хуцишвили пишет, что Маше,

[...] в тех фантазиях, которые иногда приходили в голову, мелькало платье от *Vera Wang*, прелестный бриллиантовый булжничок от *Roberto Brava* и целая куча друзей и знакомых.

В его же фантазиях фигурировали два большеглазых карапуза, носящихся по загородному дому, и еще пара-тройка в перспективе (в сумме – пяток), она – чуть-чуть располневшая, но от этого еще более женственная, автопарк, составленный из самых лучших, дорогих машин, и развороты в жанре *success-story* в журналах для молодых карьеристов (*Хуцишвили 2012, 15*).

Стремясь, как теперь это принято у молодых, к полной самореализации, больше всего они мучимы страхом прослыть лузерами, неудачниками. Они уверенно идут по жизни, будучи убежденными, что при их уже достигнутых статусах и деньгах и в их возрасте –

[...] в молодости вообще... а в сытой молодости тем более. Это даже... как бы сказать... удобно. Удобно не быть пошлым. Не быть слабым.

Удобно быть бессмертным. Неудобно сомневаться.

Быть *сомневающимся* – жалко.

Верить – это же как-то не модно, старо, это слабость [...] (*Хуцишвили 2012, 49*).

Однако все планы героев рушатся, когда Георгий, находясь на стажировке в США, заболевает СПИДом. Причем только теперь, в этой для него трагической ситуации, он начинает по-новому остро чувствовать свою любовь к Маше и одновременно переживать самую скорбь бытия, движение всего и вся на пути к смерти. Только теперь он задумывается над тем, стоили ли их с Машей усилия того, к чему в результате они пришли, к чему часто приходят такие же, как они,

подчиняя все лишь успеху, карьере, гордыни, и забывая о ценности жизни как таковой.

И здесь важно то, как, художественно исследуя механизмы работы сознания и подсознания Георгия, писательница в его непосредственно артикулируемых им состояниях и переживаниях, развивая традиции Льва Толстого и подключаясь к тем поискам, что ведутся писателями-реалистами нового времени (Салуцкий 2011), выявляет саму суть его бытия, акцентирует онтологию его экзистенции. Как бы перебирая в своих воспоминаниях прошлое и выявляя в нем ценностно ложное и аутентичное, важное, опираясь на собственный опыт, глубокие знания и переживание приближения к смерти, Георгий начинает осознавать свое место и значимость в экзистенции как таковой, открывает себя в качестве самого „бытия в мире” в его философском и близком к заявленному Жаном Полем Сартром, Мартином Хайдеггером и Морисом Мерло-Понти значении (Шевченко 2016).

В плане же аксиологии интерес прежде всего представляют данные в неотправленных электронных посланиях обоих героев размышления их и их приятелей о финансовых рисках и рынках, законах бизнеса, «русском капитализме» и русской ментальности, европейском и азиатском векторах развития России, «природе» и «типах» людей, их ценностных ориентирах. В конечном итоге они даже приходят к выводам, что

[...] это скотство – считать себя умнее своих родителей. А это у нас повсеместно тянется со времен революции. На самом деле сила и понимание каких-то основ держится на простых вещах – любви к земле, своим детям, уважении к родителям. [...]

В то время, когда мы жили в Советском Союзе, было тяжело – многое нельзя было произнести вслух. А после перестройки мы увлеклись – посмотрели на Запад, скопировали их ценности, не раздумывая, смогут ли они прижиться на российской почве.

А у меня есть большие сомнения по этому поводу. Может, ценности сами по себе и неплохи, но подходят ли они нам, с нашей историей? Есть ли у нас вообще почва для демократии? А для протестантских ценностей. Есть ли социальная склонность к этому?... Для меня это большой вопрос.

И поэтому мы очень разные – умничаем тут в Москве, думаем, как бы сделать что-то лучше, и сами же очень далеки от тех, кто живет за Уралом, на Дальнем Востоке. А что им нужно? Какие ценности? Непонятно (Хуцишвили 2012, 15).

Они знают, что во всем этом

есть даже христианская косность – люди в своей системе ценностей не интересуются какими-то другими подходами, агрессивно их воспринимают. [...] Да и буржуазные ценности у нас приживаются неоднозначно – нет единой „буржуазной” идеологии.

[...] Как и что делать, чтобы что-то улучшить, непонятно. Можно относиться к этому, как к игре: когда долго играешь, в какой-то момент можешь выиграть. Главное – не переставать играть (Хуцишвили 2012, 15).

Любопытные изменения составных аксиологической пирамиды молодых героев можно проследить в последние десятилетия не только в уже упомянутых произведениях. Например, в романах тех же А. Снегирева *Как мы бомбили Америку* (2007) и К. Хуцишвили *Триумф* (2013), а также в ее книге очерков *Воспоминания о своих корнях* (2015), в романе Маши Трауб *Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба* (2014) и ее же многочисленных рассказах и повестях, в *Авиаторе* (2016) Е. Водолазкина, в произведениях многих других молодых авторов, также пишущих о молодых, мы можем увидеть, как подчеркивание европеизма и американизма в характерах и приоритетах героев уже переносится на задний план и как бы выходит из моды. Взамен этого – начинается переориентация их социально-культурных, экономических и прочих амбиций на русский (или же свойственный другим народам, когда-то входящим в состав СССР) традиционализм. Но это – уже объект других, новых исследований.

ЛИТЕРАТУРА:

Ганиева Алиса: *Возрождение концепта «молодые писатели» в нулевые годы*, в: *XXI ВЕК. ИТОГИ ЛИТЕРАТУРНОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ: ЯЗЫК – КУЛЬТУРА – ОБЩЕСТВО*. Материалы международной научно-практической конференции, 21 апреля – декабрь 2010 года, Ред. А. Ю. Большакова и А. А. Дырдин. Ульяновск 2011. http://www.rospisatel.ru/sbornik-konf1.htm#_Toc286003351 [режим доступа: 02.03.2017].

Кларк Катарина: *Советский роман: история как ритуал*, (Пер. с англ.: К. Clark, *The Soviet Novel: History as Ritual*. Chicago Press 1981), ред. М. А. Литовская. Екатеринбург 2002.

Ковалева Ирина: *Новые писатели или новая литература?*, «Вопросы литературы» 2010, № 5. <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/5/ko2.html> [режим доступа: 02.03.2017].

- Минаев Сергей: *ДУХLESS: Повесть о ненастоящем человеке*. Москва 2005.
- Минаев Сергей: *MEDIA SAPIENS. Повесть о третьем сроке*. Москва 2007.
- Писательница Кристина Хуцишвили о проблемах молодости и новом романе, «Москва» 24. (m24.ru), сетевое издание, 11.09.2013. <http://www.m24/articles/25523> [режим доступа: 10.12.2015].
- Рыбальченко Татьяна: *Изменение представлений о должном в русской прозе 1960-1980-х годов (Постановка проблемы)*, «Русская литература в XX веке: Имена, проблемы, культурный диалог», Выпуск 8, *Деонтологические аспекты художественной словесности*. Томск 2006, с. 182-183.
- Салуцкий Анатолий: *Очередной «новый» реализм*, в: *XXI ВЕК. ИТОГИ ЛИТЕРАТУРНОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ: ЯЗЫК– КУЛЬТУРА – ОБЩЕСТВО. Материалы международной научно-практической конференции, 21 апреля – декабрь 2010 года*, Ред. А. Ю. Большакова и А. А. Дырдин. Ульяновск 2011. <http://www.rospisatel.ru/sbornik-konf1.htm#Тoc286003351> [режим доступа: 02.03.2017].
- Снегирев Александр: *Внутренний враг*, в: Снегирев Александр: *Чувство вины*. Москва 2013, с. 5-73.
- Трапкова Анна: *От советского к постсоветскому человеку*, в: *Современные трансформации российской культуры*, Ред. И. В. Кондаков. Москва 2005, с. 305-329.
- Хуцишвили Кристина: *DEVIANT*. Москва 2012.
- Шевченко Людмила: *Неомифология современности, или «ДУХLESS» и «MEDIA SAPIENS» С. Минаева как производственные романы наших дней*, «Studia Rusycystyczne Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego», t. 17, *Język, literatura i kultura Rosji w XXI wieku – teoria i praktyka*, pod red. K. Lucińskiego. Kielce 2008, с. 59-69.
- Шевченко Людмила: *Особенности воплощения экзистенциальной проблематики в романе Кристины Хуцишвили DEVIANT*, «Studia Rusycystyczne Uniwersytetu Jana Kochanowskiego», t. 24, pod red. L. Mazur-Mierzwy. Kielce 2016, с. 71-83.